

Эмилия
ГАЛАГАН

г. Мурино,
Ленинградская
область

Танька, Ромка и мамка

рассказы

Звонок

Девки не затыкались про свой выпускной, достали.

– Таньк, ты-то придёшь? – Катька вроде своя, а туда же.

– Угу.

– А платье какое хочешь? Придумала уже? – И участливо смотрит, повернув голову, так что прядь волос спадает, открывая ухо с рядом серёжек – недавно Катька пробила четвёртую дырку и этим гордится.

– Не знаю. Потом подумаю.

– Ой, дево-очки, у меня такое платье будет... За триста баксов! Представляете? – Мирка обожала перетягивать внимание на себя.

Она была из того типа круглых отличниц, которые круглые дуры. Идёт на красную медаль. Если ей вдруг кто из учителей четвёрку поставит – потом сам пожалеет: Мирка сразу в слёзы. Кому охота смотреть на это фонтан-шоу? Уж лучше пятёрку нарисовать.

– Круто! – Катьке, похоже, было искренне интересно. – А какого цвета? Главное, чтоб не фиолетовое, я одна хочу быть в фиолетовом!

Когда прозвенел звонок и Мирка от них отвалила, Катька шепнула Таньке:

– Как же она меня бесит! Строит из себя не пойми что!

Танька шумно выдохнула, демонстрируя согласие, и втайне поразовалась, что, несмотря на свои дорожные шмотки, Мирка всё равно никогда не будет красавицей: толстовата и нос картошкой.

– Тань, ты обязательно приди, слышишь!

– не сдавалась Катька.

Танька снова выдохнула, на этот раз грустно. Рядиться в дурацкое платье, в котором – она это понимала – всё равно останется тощим недоразумением с короткой стрижкой, Танька не хотела. Но мамка уж больно хочет, чтоб всё у неё было как у людей. Даже денег не пожалеет.

– Да не хочу я.

– Тань, ну ради меня! Мне без тебя там грустно будет!

– Я подумаю, – бросила Танька, но решила, что скажет мамке, будто вы-

пусковой стоит раза в полтора дороже. Вдруг та всё-таки пожадничает.

Мать стояла у форточки и курила.

— Сегодня та приходила. Сверху.

Когда-то, ещё до Танькиного появления на свет, этажом выше жила семья с девочкой лет пяти. Как все дети, она днями гуляла во дворе, а когда возвращалась домой, взлетая по лестнице, часто путала этажи. Подойдёт к двери, на цыпочки встанет, дотянется, нажмёт на звонок — и не отпускает. Стоит, вдавив кнопку, и ждёт, пока дверь откроется. Адский звон! Открываешь, а она с ноги на ногу переминается, улыбается.

— А где мама? — говорит.

Или:

— Извините!

Или:

— А можно попить?

Противная мелкая, глазки прищуренные, зубки реневские.

Потом семья эта съехала. Мать родила Таньку, развелась с мужем, стала одна жить. Тогда она ещё в разных парикмахерских работала. Это потом, когда отовсюду со скандалом повылетала, на дому стричь начала. Когда Ромкой беременная ходила и срок рожать подходил, Таньку к бабке в село отвезла.

Как-то мать прилегла днём, заснула. А тут звонок. И звонит, и звонит, душу из тела выдирает. Аж Ромка внутри задёргался. Она как назло легла неудобно, еле встала, ногой в один тапок попала, в другой — нет. Доковыляла до двери, открывает, а там — малая.

Стоит, смотрит.

— Извините!

Развернулась и вверх по ступеням побежала. А мать к дверному косяку прислонилась — от облегчения, что звонок кончился, а потом подумала: «Так эти сверху... вроде уехали...», а потом: «Это ж лет пять прошло, а она...» И тут мать как холодом обдало! Она дверь закрыла, на порожек присела, живот обняла руками...

Тут схватки начались. Еле до телефона доползла. Роды тяжёлые были, Ромка пуповиной обмотался и чуть сам себя не задушил.

А теперь, говорит, опять малая приходила. Трезвонила, как и тогда. Мамка думала, что кли-

ентка время перепутала. Открывает дверь, а там она. Снова стоит. Такая же.

— А можно попить?

Мамка дверь захлопнула.

— ...На операцию меня ложат. Сиськи надо резать. Это всё та цыганка, сука проклятая.

Мамка верила во всё, во что можно поверить, и ненавидела всех, кого можно возненавидеть.

— Когда я ещё с тобой лежала в роддоме... со мной в палате была такая... тощая, чёрная... и когда тебя маленькую кормить принесли, она всё прицокивала: ой, грудь какая! И глазом чёрным своим зырк-зырк! У меня аж в душе всё переворачивалось. А потом и молоко пропало!

— Ма-ам...

— А врача эта... Резать, говорит, надо... А у самой рожа жидовская. Мне одна баба говорила, она в больнице работала... ихняя врачиха-жидовка, когда в Израиль ехала, тост поднимала: «За то, что я ни одному русскому диагноза правильного не поставила!»

— Ма-ам, ну хватит! Зачем ерунду говоришь?

— Изрежут всю — и лежи, помирай! Помнишь деда с первого подъезда? Упал зимой, шейку бедра сломал. Суостав новый поставили. А он полгода на том суставе подыбал да помер.

— Ему лет восемьдесят было...

— Бабке твоей уже восемьдесят пять, и она ещё до сих пор жива, и это, может, потому, что ни разу у врача не была.

Танькина бабка, и правда, была крепкая старуха, только совершенно выжившая из ума. Танька не считала, что это то здоровье, которым надо гордиться, но спорить не стала.

— Дура я, дура. Но согласилась уже. Чего там. Режьте, суки! Сдохну, да и хрен с ним.

Мамка метким броском выкинула окурочек в окно.

Танька молчала, чувствуя, что внутри у неё стало так странно, как ночью, когда холодильник, к гулу которого ты привык, внезапно замолкает и наступает тишина — незнакомая, опасная.

Мурзю три года назад приволок Ромка — подобрал на улице. Мамка ругалась, но оставить позволила, думала: наиграется и отпустит. Но Ромка, которому тогда было восемь, нянчился с ним, пока Мурз не вырос в красивого чёрно-

го кота. Только к ветеринару Ромка его не отнёс: мужики очень трепетны насчёт кастрации, своего собрата жалеют. Поэтому Мурз стал лазить на улицу через форточку, иногда загуливал на месяц, но всегда возвращался.

Когда мамка легла на операцию, Мурзя пропал. Ромка походил по двору, позвал, потом смирился. Но обида на кота у него всё-таки осталась:

— Знает, гад, что дома жрать нечего.

Они с Танькой питались в основном супами из брикетов. Таньку это мало заботило: не голодно и ладно. Когда Ромка принёс из магазина тушку курицы, сестра посмотрела на него как на больного:

— Ты её варить, что ли, будешь?

Ромка молча достал из духовки противень, высыпал на него пачку соли, аккуратно уложил сверху курицу, а затем, достав из кухонного шкафчика фольгу, отрезал два кусочка и обмотал ими кончики куриных крыльев.

— А это зачем? Для красоты?

— Отвянь.

Через час курица была извлечена из духовки и водружена на блюдо. Это была самая вкусная курица, которую Танька когда-либо ела. И Ромка, похоже, тоже. Хотя привкус неправильности в ней всё равно был, и в желудок она ложилась тяжело.

— Может, почувет, что хавка есть, и придёт... — Ромка положил остов курицы возле кошачьей миски. — Таньк, можно я завтра в школу не пойду? Я домашку не сделал, а поздно уже...

— Не иди...

— Я хочу тройку в четверти, а если завтра вызовут...

— Делай что хочешь...

Ромке вроде было бы правильнее сказать «круто» или «спасибо», но он почему-то виновато молчал.

— Спать пошли, — наконец командовала Танька.

Они лежали в темноте очень долго, в желудках шла напряжённая работа, а в головах, наоборот, было пусто, но, когда Танька уже стала проваливаться в сон, она различила в тишине всхлипы. И, хотя в комнате и так было темно, она зажмурилась ещё крепче, изо всех сил, и как будто вдавила себя внутрь себя, насильно загоняя в сон.

Мурз ночью так и не пришёл.

Домашнюю задачку по физике Танька не разрызла. Вообще, она справлялась хорошо, но тут нашёл затуп. На перемене скатывала у Катьки, пытаюсь разобраться в её каракулях.

— Это у тебя что?

— Плотность.

— Чего? Она ж как «эр» с хвостиком...

— Ну, я хвостик не написала, торопилась.

Мирка пришла красная, с опухшим и от этого ещё более некрасивым лицом. Хлопнула рюкзаком на парту, хлопнула носом. А потом плюхнулась на стул и разрыдалась.

— Мир, ты чего? — Катька развернулась так быстро, что у неё из-под задницы чуть искры не сыпанули.

— П-платье!

— Утюгом сожгла?

Мирка завертела головой.

— У-укоротили! У-ужасно! У-уродливо! Т-т-триста баксов!

Танька поняла: Миркино платье за триста баксов было ей длинно, пришлось укоротить, но, видать, швея напортачила... и результат Мирку не устроил.

Катька зашебетала, заутешала несчастную Мирку, а Танька продолжила списывать задачу.

Она ничего не рассказывала подруге о том, что её мама лежит в больнице, что они с братом живут одни, что от них сбежал даже кот... Ей не хотелось говорить.

Где-то внутри неё как будто завязали в узел целлофановый пакет со страхом и болью. И теперь его, как ни старайся, не развязать, можно только разорвать, но тогда...

Всё-таки Катька — хорошая, думала Танька: хоть и терпеть не может Мирку, а вон как утешает. Танька бы так не смогла.

— ...Прикиньте, эта дура звонит мне и говорит: хочу записаться на стрижку. А я ей: я в больнице лежу. А она: ой, у вас же двое деток! И ревёт! А я ей: ты чего несёшь? я в больнице, не в морге!

Мамка не затыкалась ни на секунду.

Ромка молча гладил лежащего на коленях кота.

— Таньк, вот скажи мне, что у тебя со спиной? Сгорбилась вся! — Мамка стукнула её по спине. — А ну расправь плечи!

Танька попыталась это сделать, и под лопат-

кой больно кольнуло, как будто сквозь сердце прошла игла.

— Над книжками сижу...

— Ой, да сдашь ты всё!.. — Мамка махнула рукой. — Со мной в палате баба одна лежала, она в универе преподаёт... я ей уже пообещала за бесплатно стрижку с окрашиванием... Противная баба, какая-то Акопян, на башке во-отакенная копна... Ладно, я сейчас позвоню своим дурам, пусть записываются...

— Вернулся... — Танька погладила Мурза по блестящей чёрной шерсти.

— Малая принесла.

— Какая малая?

— Сверху. Ты в школе была, мамка ещё не вернулась. Я в комп играл, в наушниках... А потом слышу: в дверь звонит кто-то. Прямо надавил на кнопку и не отпускает. Звонок разрывается. Открываю, а там она. Держит Мурзю. «Ваш котик?» — спрашивает.

— Как держит? Она же ненастоящая!

— Ненаящая? Ты совсем, что ли?! Они вселились недавно в квартиру на пятом этаже!

— А мамка сказала... типа девка из прошлого... типа знак...

Ромка заржал. И вслед за ним засмеялась Танька. Слезы лились градом по её щекам, как будто она была не Танькой, а самой настоящей Миркой, которой поставили даже не четвёрку, а жирный тройка.

На выпускном Танька выглядела как палка, обёрнутая штормом, а на голове из её коротких волос мамка сделала что-то типа множества острых рожек. Катька не пришла вообще: накануне сломала ногу. Ни на ком из девочек не было фиолетового платья, и это её немного утешило:

— Так трогательно, что вы учли мою последнюю волю! — рыдая, говорила она Таньке по телефону, а та не могла сдержать смех:

— Какую последнюю волю, Катя? Ты ж не на том свете!

Мирке родители купили туфли за тыщу баксов, и она была даже рада, что платье у неё коротковато.

«Хрюшка в рюшках», — прошептала мамка Таньке в ухо и тихонько хрюкнула, и Таньке вдруг стало даже немного жалко Мирку. Странно, но в то время она всех жалела и всех

любила, не понимая, почему и за что. Огромная, неизвестно кому адресованная благодарность за то, что с мамкой ничего не случилось, что она по-прежнему во всё верит и всех ненавидит, заполняла её до краев.

Со временем это прошло, но и потом, став взрослой, Танька любила вспоминать эти дни: что-то в них было особенное.

Малая с пятого этажа больше не заходила, видимо, запомнила свою дверь.

Обратный путь

Знала же, что опоздает! И опоздала.

Танька топнула ногой и выругалась.

Как это она раньше не замечала, что у слова «опоздать» матерный привкус?

Перед ней лежала серая асфальтовая дорога. Возле дороги ютилась остановка: навес, под ним лавочка. Ещё имелась железная урна. Чуть в отдалении торчал столб с табличкой-расписанием. За остановкой — разросшиеся кусты, куда опоздуну вроде неё ходили в туалет. Ну а куда идти? Не до деревни же через поле топать.

О своём опоздании Танька догадалась сразу: остановка была пуста. Автобус на семь-тридцать — самый популярный, к его приходу собирается толпа. А сейчас на остановке никого, только в двух шагах от столба, у самой дороги спиной к Таньке стоит какой-то мужик. Обычный дядька. Джинсы, куртка, кепка. Вроде сигарета дымится в руках. Видать, попутку хочет поймать. Ну, удачи. Тут и так мало кто ездит, да ещё и вечером. Разве что дальнбой какой-то тормознёт.

Но Танька и не думала о том, чтобы добираться домой автостопом: страшновато.

Хорошо всё-таки, что май уже, темнеет поздно. Правда, пасмурно, тучи нависли над душой, как сессия. Ветер налетает порывами, деревья с той стороны дороги нервирует. Господи, как же достало это всё!

Танька присела на лавку и эсэмэснула матери: «Опоздала на 19-30, жду следующего».

Ответ пришёл сразу же: «Балда! Как будешь подъезжать, напиши. Выпну Ромку, чтоб встретил».

Какая работа! Когда Танька всеми силами стремилась отбиться от поездок к бабке, приведя в качестве аргумента, казалось бы, неопровержимое: «А вдруг маньяк какой нападёт?», мать захотела: «Какой маньяк в такой глуши? Да ты и на девку не похожа, палка-говнокопалка... кому ты надо-то?» Мать, конечно, была права: деревенских мужиков если интересовали какие бабы, то только те, что гнали самогонку.

Танька хотела было послушать музыку, но батарея в телефоне садилась, а остальные совсем без связи не хотелось. Придётся слушать ветер да трусоватый шёпот деревьев: идёт? идёт? идёт?

«Тут дождь собирается».

«Зонт не взяла?»

«Я на остановке, пережду. Если Ромка будет встречать, пусть возьмёт».

Танька подумала немного и написала о том, что её беспокоило: «Любка обиделась, что я сказала, она ворует».

«Дура. Зачем сказала? Не надо было».

«Вырвалось».

«Не зли цыганку!»

Таньку ужаснуло то, как бабка накинулась на еду. Руками хватала и совала в рот. Почти не жевала, глотала крупными кусками. Любка прикрикнула на неё:

— А ну жуй, а то заворот кишок будет!

Бабка ела так, как будто не ела всю неделю, а то и больше. И Танька сказала:

— Ты её кормила вообще?

Тут Любка принялась орать, выпуча чёрные глаза, что она бабку по три раза в день кормит и горшки за ней выносит, а если она, Танька, не верит, так она всю неделю будущую не станет их выносить, пусть Танька увидит, сколько бабка валит, тогда и поймёт, как тут кормят её. Она ж от старости совсем разум потеряла, не соображает, ела или не ела, бывает, поест, а через полчаса снова просит.

Любка так разошлась, что старуха даже перестала жевать и испуганно на неё посмотрела. Танька чувствовала, что лицо у неё горит, и лепетала извинения. Любка выкричалась и махнула рукой, дескать, что с вас взять, с городских. Окончательно смутившись, Танька замолкла и достала из рюкзака деньги. Любка быстро схватила купюры: это было что-то вроде опосредо-

ванного рукопожатия Танькиной узкой руки с длинными пальцами и Любкиной, коричневой, с ярко-красными, как будто вздутыми ногтями, похожими на панцири жуков. Деньги на секунду соединили их и ушли в карман Любкиного фартука. Она тут же бросила:

— Стирку я собрала! — и, прихрамывая, но очень быстро вышла из комнаты.

Танька сначала думала, что у Любки просто юбка какая-то самопальная, криво сшитая, одна сторона подола выше, и только на вторую или третью их встречу догадалась, что Любка хромая.

Вскоре Любка вернулась со свёртком белья. Каждый раз Танька везла в рюкзаке завернутый во множество целлофановых пакетов ком бабкиного тряпья: на стирку. Танька подозревала, что бельё, несмотря на три-четыре слоя целлофана и рюкзак, всё-таки пованивало (да и она сама за день пропитывалась вонью), поэтому в автобусе старалась забиться куда-нибудь в угол, а рюкзак, сняв со спины, затолкать поглубже под сиденье.

— Лю-ю-бка, Лю-ю-бка! — старуха принималась орать всегда неожиданно, так что Танька вся дёргалась, как висельник, из-под ног которого выбили табуретку. Да, точно, как висельник — и горло сжималось.

— Иду, иду!

Любка влетела в комнату, сунула Таньке свёрток с бельём.

— Чего разоралась? Горшок дать? Давай-ка, девонька моя, посадим её!

Старуха долго сидела на горшке, но на окрик Любки: «Просралась?» отреагировала бессмысленным взглядом. Вытащили из-под неё горшок: пусто.

— Тьфу, дура старая! — бросила Любка. — Голову морочишь!

— Лю-юбка!

Матери бабка никогда не звала. Она — мать — приезжала редко-редко, хотя изначально они с Танькой условились ездить по очереди. Ромка был от повинности освобождён: он поступает в универ в этом году — пусть учится. Да и какая помощь от парня в уходе за старухой? Летом приедет, сортир, набок завалившийся, поднимет — и на том спасибо. Мать же то и дело находила причину откосить (то клиентка у неё, которую на другое время не перенесёшь, то «ноги болят, не дойду»), так что тащиться приходилось Таньке.

Туда — с тяжёлым рюкзаком с продуктами (в деревне уже давно не было своего магазина), обратно — с грязным бельём. Отличный субботний отдых, спасибо, мам. Танька скрипнула зубами при мысли о своем безволии.

Сама мать уехала из села давно, окончив восьмилетку. Уехала учиться, но быстро вылетела из техникума. В деревню не вернулась.

— Бабка бесилась — ух! Была такая — у чёрта кусок из горла выдерет! Знала б, посадила б меня на цепь, как собаку! — вспоминала мать смеясь.

Танька видела фотографии матери в молодости. Юбка короткая, грива химозная на голове. Кажется, вот-вот запоёт: «Американ бой, американ бой, уеду с тобой... уеду с тобой, село, прощай!» Американ бой (откуда бы?) не нашёлся, но подвернулся городской парень — рабочий с завода. Брак закончился разводом через пару лет после рождения Таньки. С мужем мать рассталась лихо — урвав городскую квартиру и жгучую ненависть всей мужниной родни. Потом был какой-то мимолётный романчик, в результате которого появился Ромка. Образования мать так и не получила: всю жизнь работала где придётся. Торговала на рынке, мыла подъезды, а потом выучилась на парикмахера. С тех пор и стригла. Работала, кажется, во всех салонах города и отовсюду ушла, хлопнув дверью. Теперь вот на дому стрижет. Это-то и стало одной из причин, по которой мать не хотела перевозить бабку в город.

— Она ж может и посреди комнаты насрать! Всю жизнь в селе! А ко мне люди ходят! Да и куда её — на кухню положить?

Это верно, бабку класть было некуда. Танька с Ромкой жили в одной комнате, в другой стоял материн диванчик и было оборудовано парикмахерское кресло для клиентов. Кухня — пять метров. В шкаф бабку, что ли, засунуть? Поэтому мамка решила, что лучше будет нанять кого-то, чтоб за бабкой присматривал. А они — мать и Танька — будут приезжать, привозить продукты, помогать поддерживать дом в порядке. Дом, конечно, старел, полы проседали, оконные рамы рассохлись и открывались с большим трудом. Мать всё собиралась сделать ремонт, но каждый год денег на него не хватало: то пришлось заплатить одному препода за Танькин «особо тяжёлый» экзамен, то нанимали репетиторов для Ромки, а прошлым летом мать

кровь из носу захотела на море. Танька такой отдых не любила: неудобно чувствовала себя в купальнике, да и обгорала в два счёта. Ромка — компьютерный задрот, ему ничего не надо, кроме своих игр. Тогда они чудесно прожили вместе эти две недели материнского отпуска, смотрели фильмы, спали до обеда, питались одними пельменями, а к приезду матери Ромка испёк по рецепту из интернета настоящий торт.

Странно, но здесь, в деревне, воспоминания о городской жизни кажутся лощёными, как реклама. Наверное, по контрасту. Там — чистота, порядок и уют, а здесь — ветхий угрюмый дом, и они с Любкой на пару купают в тазу бабку, трут её мочалками, и Танька старается не морщиться от запаха старческого тела.

— Дай-ка я тебе, Марья, волосья постригу!

Любка расчёсывает редкие мокрые пряди, тёмные от воды, и резво щёлкает ножницами.

Про неё говорят, что она ведьма. Даже мать её боится. Никогда с ней не спорит, делает всё так, как она говорит. Танька видела. Любка — ей: то, сё надо сделать, так-то и так-то. И мать берёт и делает, даже полы моет на карачках. Это мать-то, которая сама всех строит и никого не боится!

— Цыганка она и ведьма, — мать смешно поднимает татуированные брови. — Мужик у неё был. И завёл себе другую бабу. Знаешь где? Если ехать к городу, село большое — Копань. Я туда в школу ходила. И в магазин вы туда с бабкой ходили. Короче, решил из нашего села уехать. А Любка — ему: «На кладбище ты отсюда уедешь!» Ну, он собрался и ушёл. На автобус вроде как опоздал, пошёл по трассе попутку ловить — и под машину попал. Поздно было, да ещё и дождь. Водитель его не заметил. Говорят, даже призрак видят на трассе...

Угу, призрак. И откуда у матери в голове такая дичь? Вроде по церквам или по экстрасенсам не ходит. То ли от необразованности эти суеверия, то ли так деревня в крови остаётся — верой во всякую мутотень.

Мать часто повторяла, что она бы к кому другому обратилась, но в селе Любка самая расторопная. Хромает, а бегаёт. Злая, но помогает.

Танька вышла из-под навеса. Мужик всё стоял на обочине. Ну да, ни одной машины не проехало ещё. Скоро там автобус? Она пос-

мотрела на телефон. Блин, ещё полчаса ждать. О, сообщение.

«Всё нормально?»

«Ага».

«Дождь есть?»

«Нет».

«Люди ещё есть на остановке?»

«Нет, мужик только какой-то».

«Что за мужик?»

«Не знаю, не страшный».

«Не скучай! Я тебе сырников пожарю».

Подлизывается. Знакомо. На телефоне 15%. Танька выключила гаджет: как сядет в автобус, тогда и матери напишет, а сейчас надо экономить заряд.

Она снова усталилась на дорогу. Серая, гладкая, никакая. Просто дорога.

Когда-то давно, когда они с Ромкой приезжали к бабке на лето (а мать сплавляла их сюда охотно, радуясь свободе), они ходили по этой дороге в Копань, в магазин. Это всегда был праздник — субботний поход в магазин. Хотя идти было долго, с час в одну сторону, всё равно это их радовало. Почему-то по субботам тогда, в детстве, всегда была хорошая погода. Может, потому, что в Копани бабка всегда покупала им по стаканчику мороженого. Они шли споро, иногда даже бежали наперегонки до ближайшего поворота. Бабка покрикивала:

— Куда несетесь, оглашенные?! Обочиной, обочиной! Машины!

Голос у бабки тогда был совсем другой — цельный, крепкий. Танька вспомнила, как бабка кричала когда-то на Ромку, когда он уронил своё мороженое, а потом всё-таки купила ему ещё одно. И Таньке купила, потому что Танька к тому моменту уже съела своё и начала дуться, завидуя Ромкиному блаженству.

Братово лицо — в слезах и в мороженом — проплыло перед глазами. Такой тогда мелкий был, а сейчас вымахал детина двухметровый. (Они оба у мамки высокие, а сама она миниатюрная, вот так странно.)

Себе бабка тоже всегда брала стаканчик мороженого. Что ж, она не человек? Так и шли по дороге, дружно ели мороженое. Бабка никогда не орала на них на обратном пути. То ли от счастья, то ли от усталости. Она ведь сумки несла из магазина, тяжёлые.

Автобус, коротенький и округлый, подъехал как-то совсем неожиданно. Не по расписанию, что ли? Дверь отъехала в сторону, и Танька, не веря своему счастью, вскочила внутрь. Дверь закрылась.

И только тут Танька вспомнила про мужика, который стоял на остановке. Куда он девался? Она завертела головой. В автобусе его не было. Но и там, впереди, на дороге, тоже было пусто. То ли в кусты отошёл отлить, то ли всё-таки сел на какую-то попутку, которая проехала, пока Танька замечталась.

Забив рюкзак под сиденье, Танька включила телефон и написала матери: «Села, еду». Она представила, как мать будет отдирать Ромку от компьютера, чтобы шёл её встречать, и позлорадствовала: пусть и он тоже помучится. Не только ей все шишки должны доставаться. Вот сдаст свой ЕГЭ и поедет к бабке сортир чинить.

За окном начиналась гроза. Дождь ломился, как пьяный мужик — домой, рвал и терзал деревья, молотил по стёклам автобуса. Хоть бы всё утихло к тому моменту, как она приедет в город.

Танька вздохнула, взъерошила коротко стриженные волосы, закусил губу. Она почувствовала, как натягивается нить, которая связывает её с селом. Она, как тот муж Любкин, который так и не уехал из села, только в каком-то другом смысле — не понятно, в каком, но в другом.

Ей было жалко бабку. Эта жалость проходила где-то глубоко внутри, как электропроводка в стене. От неё не было слёз, не заходило в яростном стуке сердце, но почти каждую субботу Танька вскидывала на плечи рюкзак и, сгорбившись, ехала в деревню.

А может, она просто безвольная? Не умеет отбиться от матери? Сама-то мать была в её годы не такая. Уехала из деревни, и всё. Жила в своё удовольствие. И живёт! На всё ей плевать! А может, и не плевать... Ну или не совсем плевать, догадалась вдруг Танька, может, матери тоже жалко бабку... Может, ещё жальче, чем ей, Таньке: она-то, мать, помнит бабку совсем другой... Помнит её такой, какой сама сейчас стала...

Мать не любила ходить туда, где ей плохо. Она там долго не выдерживала, не могла. Материного терпения вряд ли хватило б на что-то длиннее

химической завивки. Танька могла выдержать чуть больше, но тоже недолго. Ромка тоже вряд ли бы долго продержался. А дольше всех могла Любка, каким-то странным образом умеющая жить в этой полумёртвой деревне.

«Все мы сюда вернёмся... Если не в следующую субботу, так в следующую жизнь. Все мы вернёмся, как бы ни прятались», — думала Танька.

За окном совсем стемнело. По стёклам бежали ручейки слёз, словно пьяный мир жалел сам себя.

Дёрнулся телефон: «Ромку отправила. Не разминитесь».

Откройте!

Всё-таки Жека полный придурок, хоть и симпатичный. Хотя из симпатичного в нём только нос. Ровный.

А глаза мерзкие — серо-голубые какие-то. Волосы слишком короткие, можно сказать, отсутствующие. Руки тощие, как и ноги. На шее — кадык, а на щеке — прыщ. Здоровенный. Нет, никакого прыща не было, это Танька специально сейчас ему мысленно его пририсовала, чтоб окончательно портрет изуродовать.

Так, хватит думать про Жеку. Ну его!

Сумка с продуктами — Танька взяла хлеб, упаковку пельменей, сметану и зефир к чаю — оттягивала руку. Хорошо, идти недалеко: открыли недавно новый продуктовый, всего в двух кварталах от дома. Хороший продуктовый. Хоть какой-то плюс в том, что тут эту дуру построили...

На излёте советского времени, ещё до Танькиного рождения, в живописном месте на окраине города начали строить больницу. Планировали что-то грандиозное, но до распада СССР не успели, и так это дело и зависло. Здание ветшало, разваливалось, но в начале нового века нашёлся человек, который сообразил: современным людям нравится жить в окружении природы. Сосны до небес растут долго, а дома — быстро. А если построить дом рядом с соснами, то и квартиры в нём можно продать дорого. И плевать, что окраина города, — сейчас каждый третий может купить машину. А свежий воздух ещё поди купи!

Жильцам из старых домов стройка не понра-

вилась. Даже Танькина мамка подписывала какую-то петицию: дескать, требуем запретить! Пусть это ООО «Новжизньстрой» облагородило территорию возле своего творения — ЖК «Успех» — местные всё равно были недовольны. Как будто жила рядом с ними какая Манька, мужем битая, волосы нечёсаны, под глазами синяки — и все её жалели, а потом вдруг развелась, приоделась, похорошела — так тут же стали за спиной гадости шептать.

Дом и двор вокруг него — с красивой детской площадкой — обнесли забором, установили шлагбаум для автомобилей.

А раньше-то было...

Круть такая! Выбитые окна, бурьяны, осколки стекла везде. Рай для искателей приключений — забористее любой компьютерной игры, кто бы что ни говорил. Ведь хочется хоть раз сломать что-нибудь себе по-настоящему, а не сто тысяч раз подыхать и воскресать.

Про «больничку», как её все называли, выдумывали всякие байки. Например, что там тусуют бомжи-людоеды и сатанисты приносят в жертву чёрных кошек.

Ещё говорили, что в больничке живёт мелкий дух-матюкло. Споткнёшься на лестнице, скажешь: «...твою мать», и он тут же из-за угла: «не мою, а твою», и как толкнёт тебя, что полетишь по ступенькам вниз. А он загогочет, как какой-нибудь наглый пятиклассник.

Но это были страшилки для мелких. Уже лет с четырнадцати Танька на такое не велась.

Они с ребятами в больничке просто тусовались. Пили и пели. Как-то с мамкой клиентка рассчиталась бутылкой коньяка, а Танька его умыкнула. В общем, они с Каткой всё и распили. Прямо из горлышка, задыхаясь и изо всех сил сдерживая отвращение. Закусывали крабовыми палочками. Замороженными. Грызли их, ледышки безвкусные, твёрдые, как камни. Ух, как её потом вырвало — хорошо, успела добежать до бурьянов.

Как пришла домой — вообще не помнит. Удивительно, что нигде не упала и шею не свернула.

У Катки с её парнем в больничке первый раз случился. Ух, как она гордилась! Секс и пирсинг тогда были на самом пике популярности.

— Вы хоть... ну того? — спросила Танька, тревожась о подруге.

— Да. Потом в бурьяны выкинули, — Катька повела плечом, дескать, фигня какая.

Тогда казалось, что туда, в бурьяны, вообще можно что угодно выбросить — хоть использованный презерватив, хоть страшный сон, хоть президента страны. Всё можно, если сильно захотеть.

Блин, а история с Ромкой! Как он согласился залезть в больничку поздним вечером, прихватив с собой только фонарик. Он должен был подняться по лестнице на пятый этаж и так же спуститься. В шестом, что ли, классе он тогда учился.

Ромка смелостью не отличался — друзья его на понт и взяли, а он и повёлся. Пошёл.

— Там было темно и насрано везде, и всё, вообще нестрашно, — рассказывал он. — Под ноги светишь и всё... Идешь вверх.

Добрался до пятого этажа без приключений: ни духи, ни люди его не побеспокоили. По договору с ребятами он должен был оставить знак своего присутствия (те наутро должны были прийти и проверить). У него и баллончик с краской был с собой. На закрытых дверях лифта он написал: «Ромыч. 20.6.2007».

— Ну я написал и... не знаю, на фига... постучал тихонько по двери... ну та-та-та... и оно мне ответило! Изнутри: та-та-та... Тань, я чуть не обосрался, клянусь!

Короче, Ромка, теряя кеды, спотыкаясь и матюгаясь, — странно, что дух-матюкло никак себя не проявил, — слетел кубарем по лестнице и через бурьяны, проламывая путь вперёд, как отфутболенный потусторонней силой, летел домой. Примчался белый, с выпученными глазами.

Долго не мог рассказать, что вообще произошло.

Танька тогда долго прикалывалась над ним — нарочно ходила и постукивала по всему, что под руку попадалось: та-та-та!

Бедный трусоватый Ромка... как он там, в армии? Вояка, блин.

Ромка каждый день отчитывался, писал, что у него всё хорошо, слал фотки и выглядел неплохо. Может, повзрослел? Да уж, конечно. Его и девушка тут ждёт, Ксюша. Надо будет ей про то, как Ромка эха испугался, рассказать...

Всё, история изменила течение. Старую больничку развалил бульдозер, землю выровняли и построили ЖК «Успех».

На самом деле Таньке нравился новый дом: большой, свежепокрашенный, яркий. Правда, она знала, что вкус у неё так себе. Мамка всегда говорила, что она как пугало одевается. И вот Жека ей понравился тоже, наверное, из-за отсутствия вкуса.

Так, не думать про Жеку. Не пишет, и пусть его. (Вот, блин, так хорошо отвлеклась на мысли о больничке, и вот на тебе, снова свернула на Жеку!) Всё равно он дурацкий рэпчик слушает. Говорит «калидор» и «ишол». Деревня. И носом шмыгает постоянно, как будто замёрз.

Да на фига он ей сдался?

Она будет одна весь вечер сидеть. Сварит пельменей, кино включит. Классно же. И никуда идти не надо, думать, что надеть. Это для Катьки вечно праздник: наряжаться-краситься. А у Таньки всё равно хрень какая-то всегда выходит. Мамка, как увидит её накрашенную, ржёт. Как будто сама красивая, застрявшая в восьмидесятых со своей химией и голубыми тенями...

Танька вошла в подъезд и поднялась на второй этаж. Всё, она почти дома. А вот и ключ... Два оборота...

Дверь не открывалась. Танька дёрнула изо всех сил, так что болью пронзило руку от кисти до локтя, но дверь не открылась. Ключ мягко проворачивался, отводя в сторону тяжёлый язык замка, но дверь что-то держало, а что — Танька не могла понять.

Что за хрень?! Она пнула дверь, больно ударив большой палец, торчащий из босоножки, и снова выругалась. Идиотская привычка пинать всё подряд. Как будто это что-то даст. Хорошо хоть дверь не испачкала. Шумно выдохнула из лёгких как будто весь воздух — егохватило, ей казалось, на то, чтоб надуть слона. Села на пол, привалившись к двери, потёрла рукой ушибленный палец.

Что теперь делать-то?

Эту белую дверь мамка заказала на деньги от продажи бабкиного дома, доставшегося ей в наследство. Сначала мамка говорила:

— Хату продадим, вторую квартиру купим. Ромка с армии вернётся, его Ксюшка родит, будет им где жить.

Через пару месяцев мнение изменилось:

— Продадим нашу квартиру, доложим денег с продажи хаты, купим трёшку большую, вон в

«Успехе». — (Ну-ну, а кто этот «Успех» во все корки ругал?) — Ребятам одну комнату отдадим, пусть вместе поживут пока, а там, может, и разбегутся...

Ещё через полгода мамка заявила:

— Дверь на соплях держится, ванная проржавела, на потолке с прошлого затопы пузыри... Хоть бы какая падла купила ту бабкину хату, ремонт бы сделали... Ромка ж ничего не умеет, даром что мужик. Эта его Ксюша — дурочка какая-то, ещё в квартиру её впускать...

Когда наконец-то появился покупатель, мамка, кажется, была готова отдать ему хату бесплатно. Просто чтоб избавиться от неё.

Покупатель — мужчина азиатской внешности — какой-то весь неопределённый — то ли сомневался, нужна ли ему хата, то ли вообще не понимал, хочет ли он жить на белом свете — по-русски говорил плохо и едва ли понимал, что мамка ему задвигала: какая тут прекрасная природа — и лес, и речка, и три самогонщика в селе.

Но всё-таки купил. Правда, окончательная сумма была еще ниже той цены, которую мамка считала «отдать за бесплатно», но всё-таки сделка состоялась.

— Чёрт бы тебя побрал, — сказала мамка. — Глаза б мои тебя не видели! Понаехали к нам, поскупали наше жильё, а через тридцать лет тут русского лица на улице не встретишь! Поеду в Анапу. Хоть какой-то толк от этого всего.

Так вот и получилось, что за хату мамка поехала в Анапу и поменяла дверь. Выбрала, правда, самую дорогую. Белую железную дверь с тремя замками: верхним, нижним и крутилкой-шеколдой, которая запиралась только изнутри.

— О, красота! Теперь моим дурам не придётся объяснять, куда идти, — сказала мамка. — Объяснять просто: второй этаж, белая дверь. А то у них цифры в памяти не держатся.

Белоснежная дверь на старой обшарпанной лестничной клетке выглядела странно. Чем-то она напоминала грустный белый листок из тетрадки, лежащий на парте перед началом контрольной. Тоска от его вида такая, что слёзы к горлу подступают.

Что делать-то теперь? Мамке звонить — заругает, Ромке — сразу не ответит. Может, Ксюше написать? Это Ромкина девушка.

Это она, Танька, дура бесхозная, сохнет по какому-то Жеке, а Ромка себе нашёл... чудо. Полголовы синяя, полголовы розовая. В губе серёжка. Мамка, конечно, немного на неё косилась, но сказала:

— Только бы не кололась.

Ромка вспыхнул:

— Она не такая!

— Такая, не такая... ты тоже не принц Уэльский...

— Она дизайнер, — оправдывался Ромка.

Мамка смотрела с сомнением.

— Готовить хоть умеет?

— Я умею.

— Вы хоть предохраняйтесь для начала... Если родится неведома зверушка, я её выгуливать не буду!

— Не родится!

— Твой папашка мне то же самое говорил, а потом — оп-па, получите, распишитесь! Ты б с семьёй её меня познакомил. Надо знать, с кем внуков-то крестить...

— Зачем крестить-то? Мы в бога не верим...

Но познакомлю, конечно...

Потом Ромка по секрету сказал Таньке, что у Ксюши папа — профессор, доктор медицинских наук. И ему, Ромке, стыдно знакомить с таким человеком мамку. Танька его понимала: когда мамка открывала рот, из него сыпалось такое, что образованный человек точно грохнулся бы в обморок. Нарушение всех прав, свобод и вообще...

Танька позвонила Ксюше, но у той было занято. Может, с Ромкой и треплется. Счастливые влюблённые.

Завидно, блин. Вообще, Танька старшая, и это ей по возрасту положено первой... ну...

И мамка мозг выносит:

— Чё это на тебя никто не позарился ещё?

— Я всех отшиваю.

— Да я вижу, как ты шьёшь, закройщица! В девках помрёшь!

— И ладно!

— Ты смотри: мне абы какого зятя не надо! Приведёшь ещё в хату бомжа какого...

Это она Жеку не видела.

Работает курьером, развозит пиццу. Как-то адрес у неё спросил. Ну, ему пиццу заказали. А тут у них в районе нумерация немного по-дебильно-

му сделана. В «Успехе» куча подъездов, не сразу понятно, с какого входа заезжать...

— Извините, пожалуйста, где тут корпус Ж?

— Это... я сама не знаю. Где-то возле Д, наверное.

— А... где Д?

— Ну... не знаю.

— Никто не знает, похоже.

— Да нет, почему? Я знаю. Сейчас узнаю, пождите. Сбегаю и посмотрю, стой здесь!

Тупой, конечно, разговор, но хоть какой... Так они и познакомились. То есть погуляли, после того как у него смена закончилась, и телефонами обменялись. И всё, молчит.

Всё понятно с ним, короче. Задинамил. Подумаешь: впервые попался парень её роста и не дебил при этом. Который не обсирает аниме. Который ни разу не матюкнулся за встречу. И не подписан на дурацкие группы типа «Брат за брата».

Ну что теперь делать? Ромке писать? Не факт, что он сможет ответить. Да и чем он сможет помочь, он эту дверь не видел даже, её поставили только месяц назад.

Танька прислонилась к двери. За ней определенно слышались какие-то звуки. Наверно, Мурзя влез в форточку. Там ему корма насыпано или нет? Это уже третий их Мурзя, рыжий. Все полууличные коты живут недолго, зато по-настоящему. Охотятся, дерутся, плодят котят.

— Мурзя, Мурзя! — позвала она тихо.

Конечно, он не слышит и не откроет. Он же кот.

Придётся воспользоваться помощью всемирной паутины.

Танька набрала в поисковике «захлопнулась дверь, что делать». Поиск выдал несколько адресов контор, где обещали незаметно и быстро вскрыть замок за небольшие деньги.

Позвонила по одному из номеров. Она боялась, что её спросят что-то типа: «А как вы докажете, что это ваша дверь?» А она никак не смогла бы этого доказать. Но её спросили только адрес и сказали, что мастер приедет через полчаса. Таньке не очень хотелось ждать слишком долго, и она позвонила по другому номеру. Там предложили сорок минут ожидания — и в этот раз она почему-то согласилась, чтоб не перезванивать, как идиотка, на первый номер.

Она устроилась на полу, привалившись к двери.

Движение за дверью было слышно отчётливо. Как будто даже чьи-то шаги.

После смерти бабки мамка перебрала в хате барахло, большую часть которого выбросила или отдала Любке. Та брала всё, даже засиженные мухами страшные занавески и обоссанный старый матрас.

— Всё горит, — говорила она, — в печь всё сгодится.

Мамка тогда забрала только большой павловопосадский платок, совсем новый, с этикеткой и ценником (только пах старым домом — «тленотно»). Бабка купила его давно, лет двадцать назад, когда ещё ходила. Непонятно, куда она планировала в нём выбирать, разве что в соседнее село в магазин. Но так и не надела.

Мамка забрала его, спрятала в шкаф. От него всё в шкафу постепенно стало пахнуть так же, мать даже сунула между тряпья букетик сушёной лаванды — не помогло, конечно.

Почему-то Танька сейчас, сидя под дверью, представила, что там, по квартире, бродит бабка, шаркает ногами, примеряет перед зеркалом свой платок, садится в кресло, а Мурзя запрыгивает ей на руки и мурчит.

«Прикинь, бабка, твой внук встречается с дочкой профессора! — подумала Танька. — А ты всю жизнь в селе да в селе. Видишь, квартира какая городская? Красиво, да? Ага. Плита, стиралка, чайник электрический — всё есть. Крутая твоя дочка — мамка моя, да? Всего добилась сама. И раком болела, и поправилась. Такие дела, бабка. Одна я дурочка какая-то. Даже дверь домой открыть не могу. В родную квартиру. И влюбилась в одного парня, который мне не пишет. Так стыдно...»

Она легонько постучала по двери. С той стороны было тихо-тихо.

Вопреки тотальному невезению этого вечера, в телефоне ещё оставалась зарядка — на эсэмэс хватит.

«Привет! Это Таня. Я под дверью сижу, не могу в квартиру зайти, дверь захлопнулась».

«Привет, я на смене. А ты где живёшь? Может, я рядом буду. Могу завезти тебе чего-нибудь. Кофе будешь?»

«Улица Ватутина. Дом три. Второй этаж. Белая дверь. Сразу увидишь. Я на полу сижу».

«Ты там голодная?»

«Не очень. У меня тут только пельмени, но они растаяли уже по ходу».

«Не ешь их, хорошо?!»

Жека приехал одновременно с мастером и привёз две пиццы.

— Это шеколда! — уверенно сказал мастер, серьёзный дядька, седой и сутулый. — Она у всех падает. Дверь закрываете, дёргаете — а она падает и всё запирает. Или кошка прыгает на неё и поворачивает. Кошка есть?

Танька кивнула.

— Вот и говорю: прыгает и запирает!

Мастер достал сверло, ловко вставил его в дверную щель, несколько минут сверлил, потом засунул в дырку отмычку, пошерудил ею — и дверь открылась.

— С вас четыре тыщи!

— Сколько?

Хорошо, что у Жеки было с собой две с половиной.

Униженная, подавленная Танька сидела на кухне и смотрела на пиццу. Есть хотелось, но кусок не лез в горло. Необычное ощущение.

— Охренеть, блин. Пять минут работы — и четыре тыщи...

— Ничего. Потом вернёшь, — Жека примостился на краешке табуретки, как будто собирался сию минуту встать и уйти, но не вставал и не уходил.

Мурз, сверкнув в полумраке глазом-фарой, прошествовал мимо него к своей миске и принялся хрустеть кормом.

— Фигня какая-то, — пробормотала Танька. — Мурз, ты же не прыгаешь на дверь, ты же умный кот!

— Я... всё думал, что тебе написать. А тут ты сама... Даже как-то, можно сказать, судьба...

— Ну, наверное... — Танька потянулась за пиццей. — Щёлкни там чайником... да, вон там, за твоей спиной... ага... и чашки возьми две в шкафчике... Знаешь, а мой брательник в детстве в старую больничку ходил... тут раньше вместо «Успеха» заброска была, больничка...

Разговор получался тупой, но он всё-таки получался, и потихоньку Танька начинала приходить в себя. Жалко только, что про пельмени, которые ещё можно было спасти, засунув в морозилку, она так и не вспомнила — и они растаяли, окончательно потеряв товарный вид.

□

Людмила Александровна ГАЛАГАНОВА

(псевдоним — Эмилия Галаган)

родилась в Гомеле (Беларусь).

Пишет рассказы, повести.

Публиковалась в сборнике «Пролог. Молодая литература России» (2007).

Рассказы входили в шорт-листы конкурсов

«Мгинские мосты» (2019), «Хрустальный родник» (2019).

Вошла в число победителей конкурса «Почитай» (2019).

Лауреат конкурса «Северная звезда-2019» в номинации «Проза».

Работает редактором в издательстве «Наука».

